

ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ
ГЕОГРАФИИ

УДК 911.37

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРОВ И ВТОРЫХ ГОРОДОВ РЕГИОНОВ
В РОССИИ: ПРОЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ТЕНДЕНЦИИ К ПОЛИЦЕНТРИЗМУ?

© 2018 г. Л. Б. Карачурина^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

² Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: lkarachurina@hse.ru

Поступила в редакцию 15.02.2018 г.

Принята в печать 22.03.2018 г.

В статье исследована динамика численности населения 75 центров и вторых по численности населения городов регионов России. Информационной базой для анализа послужили данные переписей населения с 1959 по 2010 г. и текущего учета населения за 2011–2017 гг. В подавляющем большинстве регионов центр значительно доминирует над вторым городом. Это проявляется как в абсолютных параметрах численности, так и в доле центров и вторых городов в численности населения своих регионов. В 31 регионе России доля центра к 2002 г. уже достигала 35% и продолжила расти. Спустя пятнадцать лет в 13 регионах она превысила 45%. Верхняя граница возможной концентрации населения в региональном центре пока не выявляется. С течением времени превалирование центров над вторыми городами усиливается. Анализ показал, что возможности роста населения вторых городов зависят от их численности: постепенно среди вторых городов с численностью населения свыше 250 тыс. чел. становится все больше растущих, среди вторых малых городов пропорция между депопулирующими и растущими практически не меняется. Таким образом, тенденции централизма в регионах превалируют над полицентризмом. Население все больше концентрируется в отдельных точках, наделенных властными полномочиями. В основе этих процессов лежат историко-эволюционные (история заселения, освоения и урбанизации), функционально-экономические, административно-территориальные и демографические детерминанты. В последнее время все более важным фактором, способствующим концентрации населения, становится институциональный (связанный с исполнением региональными центрами столичных функций и снижающий издержки бизнеса и потребителей).

Ключевые слова: урбанизация, динамика численности населения, концентрация населения, города, рост населения, перепись населения

DOI: 10.1134/S2587556618040076

Введение и постановка проблемы. В каких-то регионах сложились такие мощные и старые урбанистические системы, что вопрос “быть или не быть”, хватит людских ресурсов на два мощных города или нет, не стоит. Так в Свердловской или Ростовской областях, в Краснодарском крае, Башкортостане и Татарстане. Но подобных регионов в России не много. В большинстве других — совсем иная ситуация: есть региональный центр и еще несколько городов, один мельче другого. В Новосибирской области разница между Новосибирском и Бердском — вторым по численности населения городом этой экономически вполне развитой области, достигает 15 раз. В соседней Омской между Омском и Тарой пропасть в 42 раза. Здесь сразу вспоминается теоретический посыл Ауэрбаха — Зипфа о том, что в развитой урбанистической системе ведущий город примерно в два раза больше по численности населения следу-

ющего за ним, третий — в три раза меньше первого и т.д. Но концепция применяется для страновых систем, и не дает ответа на вопрос, какая логика была бы хороша для региональных.

В дискуссиях встречаются также рассуждения о том, что, если есть главный город и он экономически мощный, то развиваться “под ним” или “за ним” смогут и другие. И противоположная, по сути инкорпорированная в понятие городская агломерация, точка зрения о том, что “одна голова хорошо, а две лучше”, или иными словами: развиваться эффективнее будет такая система, которая имеет два мощных центра, нежели один. Есть, однако, реальная организация российского пространства с пронизывающим централизмом на всех иерархических уровнях и во всех сторонах жизни: от строения сети дорог до распределения финансовых средств.

В этой связи вопрос о том, какая городская организация — моноцентричная, дуэтная или полицентричная — первенствует сейчас, на наш взгляд, актуален. Исторически ответ на него следует уже из названий регионов и их столиц. Он однозначно в пользу централизма: из 46 российских областей только у одной — Амурской — не менявшееся почти 70 лет название исходит не из логики главенства регионального центра над своим регионом и еще в двух регионах это так в результате недавней смены наименований (Свердловскую область возглавляет Екатеринбург, формальный центр Ленинградской области — Санкт-Петербург). Кроме топонимического централизма первых городов, есть и населенческий: только в одной российской области (Вологодской) первый город по численности населения оказывается меньшим (и то в настоящее время ничтожно), чем второй (до недавнего времени еще и в Кемеровской). Кроме того, в ХМАО региональный центр — Ханты-Мансийск — обошли сразу три города (Сургут, Нижневартовск и Нефтеюганск), а в ЯНАО два (Новый Уренгой и Ноябрьск) превосходят столичный Салехард. В остальных регионах наблюдается большее или меньшее главенство регионального центра над вторым и всеми остальными городами региона. Попытаемся проанализировать, насколько явно оно сложилось и куда эволюционирует в динамике численности населения.

Обзор исследований. Региональным центрам — их социально-экономической значимости, роли в своих регионах и динамике ключевых показателей посвящены статьи Н.В. Зубаревич, В.Н. Лексина, Г.М. Лаппо, Н.Ю. Власовой, А.И. Трейвиша и Т.Г. Нефедовой и др. При этом работ по крупнейшим городам — а в России это всегда либо только региональные центры, либо — в последнее время — региональные центры и города с численностью населения свыше 100 тыс. чел.¹ достаточно много. Они посвящены как городам-центрам отдельных макрорегионов (например, Уралу [7], Югу [5], Дальнему Востоку [17]), так и динамике каких-либо параметров (инвестиционной привлекательности, сервисной роли, рынкам труда и пр.) столиц регионов. Резюме большинства работ заключается в констатации огромной, часто непропорционально большой, роли региональных центров в своих регионах по тестируемым показателям [2, 10], географической вариации центров и причин лидерства одной столицы по отношению к другой [6, 28]. В синтетических работах указывается также на уникальное поло-

жение региональных центров в системе расселения, их модернизационный потенциал и роль инноваторов, которая выступает как следствием притяжения людских и финансовых потоков, так и их результатом [1, 13, 16, 18].

Вторым городам повезло существенно меньше, причем во всех смыслах: исследовательском интересе, экономическом влиянии, социальной благоустроенности и пр. Не вполне однозначно трактуется даже сам термин: Г.М. Лаппо понимает под вторыми городами, или вице-столицами города, отвечающие сразу нескольким условиям: это вторые по людности города регионов, одновременно не входящие в агломерацию города-регионального центра и обладающие значительной численностью населения (около 100 тыс. жителей), обширной зоной тяготения, многофункциональной структурой, развитым третичным сектором [15]. На важность учета удаленности от регионального центра для создания собственного поля тяготения для города, претендующего на статус второго, еще в 1970-е годы указывал В.В. Покшишевский [22]. В качестве допустимого расстояния, на котором может формироваться второй город региона по отношению к первому, он называл 100 км и более. Критериальные признаки вторых городов, заложенные в этих работах, нужны авторам для понимания того, сколько российских регионов и какие именно имеют города, претендующие на статус вице-столиц, а главное, общей зрелости региональных и надрегиональных систем расселения.

В каком-то смысле еще более сложные подходы к выделению вторых городов, сочетающие в себе численные критерии и философию свободы этих городов от необходимости “отвечать” за свои регионы, использует В.Л. Каганский [11]. Идеи А.И. Трейвиша [26] касаются не столько вторых городов регионов, сколько городов-конкурентов соответствующим региональным центрам, в каждом регионе их может быть несколько. Собственно, именно такое обозначение — “города-конкуренты” — и используется А.И. Трейвишем для попытки прояснить судьбу этих городов: реальна или формальна их конкуренция с региональным центром, устойчива ли позиция и пр.

Кажется, что сама по себе терминологическая неоднозначность, а также штучность текстов по проблематике вторых городов (кроме названных выше, нам известны еще работы Ю.В. Преображенского [23], И.Д. Тургель [29], Н.Ю. Власовой и И.Д. Тургель, [3, 30], А.С. Пестича [21]) — результат явного примата региональных столиц, которые во всем затмили собой другие города, в том числе вторые. Природа этого подавления многогранна. Например, наличие в региональных центрах вузов не является, строго говоря, результатом экономического превосходства или финан-

¹ Это объединение объясняется публикацией с 2004 г. основных статистических данных по городам с численностью свыше 100 тыс. чел. в справочнике “Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов”.

сового благополучия региональных столиц, и даже административный статус ответственен за это опосредованно. Но именно вузы в значительной мере вызывают миграции местной молодежи в региональные центры и, значит, служат фактором роста населения региональных столиц и в 1970–1980-е годы, и поныне. Безусловно, существенную роль в распределении и перераспределении населения между региональными центрами и вторыми городами регионов играют и другие факторы, связанные с пространственным положением, населенностью, происхождением внутрирегиональных элит и другими наследованными и приобретенными детерминантами.

При этом вопрос соотношения численности населения между городами, наделенными региональной властью, и вторыми городами и эволюция этого соотношения достаточно много обсуждается и в других странах. Однако и на международном уровне терминология не устоялась [36], что рождает дополнительный дискурс относительно самого объекта исследований. Например, С. Энжел и соавторы [32] считают, что вторые города – это города-спутники крупнейших городов. Д. Рондинелли [37] – один из первых занимавшихся проблематикой именно городов второго эшелона – определял их как “города с населением не менее 100000 человек, вплоть до самого большого города в стране”. ООН-Хабитат относит к *secondary city* урбанизированные зоны численностью от 100 до 500 тыс. чел. [34], что свидетельствует о поиске вторых городов не как городов повсеместного распространения (которые поэтому могут быть разного размера применительно к регионам разной численности), а как возможных полюсов роста второго эшелона по отношению к основным (главным) точкам роста. Наш исследовательский интерес, однако, заключается в ином: охватив по возможности все регионы страны, понять, как эволюционировали параметры численности населения региональных центров и вторых городов вне зависимости от того, какой людностью характеризуются первые и вторые, на каком взаимном расстоянии они располагаются и имеют ли дополнительную конкуренцию со стороны третьих, четвертых или пятых городов. Наоборот, эти параметры мы попытаемся рассматривать при анализе. Фильтрами, таким образом, служат: для региональных центров – только статус, для вторых городов – тип поселения (город) и его ранговая позиция (второе место) по отношению к региональному центру.

Информационная база. Информационные источники для анализа – данные базы “Экономика городов России” портала “Мультистат” и данные Всесоюзных и Всероссийских переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг., опубликованные на сайте “Демоскоп Weekly”; данные переписей населения в целом служили ключевы-

ми аналитическими точками. ЗАТО не рассматривались (особенно нехорошо это для Томской области, где именно ЗАТО Северск – второй по величине город области, однако сколько-нибудь длинного ряда данных по нему нет)². В Адыгее со второго по четвертое место по численности населения занимают поселки городского типа и станции, город Адыгейск – лишь пятый населенный пункт. Аналогично в Тыве второй по величине город республики (Ак-Довурак) – лишь третий по численности населенный пункт. Однако именно Адыгейск и Ак-Довурак анализировались как вторые города своих регионов.

Из анализа были исключены Ненецкий АО и Республика Алтай, в каждом из которых всего по одному городу (они же региональные центры), Чеченская и Ингушская республики, длительное время развивавшиеся как единое целое. Кроме того, не рассматривались Москва, Санкт-Петербург и столичные области. Формально города федерального значения возглавляют свои области, но в реальности, с одной стороны, их влияние простирается много дальше, чем границы своих областей, и главное – институциональные эффекты, которые получают эти города, делают любые сравнения с ними, если рассматривать их в качестве региональных центров, не вполне корректными. С другой стороны, города Ленинградской и особенно Московской областей находятся в зоне мощного влияния столиц, и агломерационные эффекты здесь проявляются наиболее ярко. Городов в этих пристольных областях много, гроздьями размещены они вокруг столиц и формально не имеют лидеров. В реальности по численности населения лидируют города, находящиеся к столицам ближе всего.

Таким образом, в исследовании были задействованы региональные центры и вторые по численности населения города 75 регионов России.

Важное обстоятельство, которым нужно предвидеть результаты исследования, заключается во множественных изменениях границ городов, которые происходили в советское время и активизировались в постсоветское. Эти изменения отражались на численности населения городов, как правило, региональных центров, и иногда очень существенно (в сторону приращения). Учет всех административно-территориальных преобразований затруднен отсутствием необходимой информации, он происходил только по тем городам, по которым удалось достать необходимую информацию.

Результаты. Различия в численности населения центров и вторых городов регионов по данным Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. Раз-

² По этой же причине не анализировались Республика Крым и Севастополь.

Таблица 1. Характеристики численности населения центров и вторых городов регионов по федеральным округам России, 2010 г.

Федеральный округ	Средняя численность населения регионального центра, чел.	Средняя численность населения второго города, чел.	Минимаксные различия между самым большим и самым маленьким региональным центром, раз	Минимаксные различия между самым большим и самым маленьким вторым городом, раз
ЦФО	436676	980688	3.6	6.6
СЗФО	291444	110721	2.1	10.1
ЮФО	622232	179447	10.5	29.4
СКФО	309602	78745	7.5	6.9
ПФО	734184	212067	5.0	15.1
УФО	590681	227388	32.1	5.2
СФО	631247	138679	13.4	40.7
ДФФО	248532	74694	45.6	47.9

Составлено автором по данным ВПН-2010 г. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8>.

ница в численности населения между региональным центром и вторым по численности населения городом по данным ВПН-2010 г. только в пяти регионах примерно соответствует идеальному распределению, описываемому правилом “ранг–размер”. Еще в четырех упомянутых выше (Вологодская, Кемеровская области, ХМАО и ЯНАО) структуру можно признать двоичной [31, с. 412]. Во всех остальных, а особенно это выражено примерно в десяти регионах страны, ведущий город крайне резкое доминирует над вторым и всеми остальными. Кроме уже упомянутых Новосибирской и Омской областей, есть еще немало примеров “градоцефалии”: Рязань больше Касимова, а Улан-Удэ – Северобайкальска в 16 раз, Воронеж – Борисоглебска в 14, Астрахань – Ахтубинска в 12 и т.д.

В Центре, на Юге, на Дальнем Востоке и особенно в Сибири различия между региональными центрами и вторыми городами становятся очень ощутимыми (табл. 1). Применительно к Зауралью, по-видимому, это следствие как непродолжительной истории урбанизации, так и нехватки демографических ресурсов для построения сколько-нибудь “идеальной” системы, нехватки, ощущавшейся на востоке страны уже весьма длительное время. Однако различия очень значительны и в Центре: тут, поблизости от Москвы, населения хватает на первые города, но их явно мало для сколько-нибудь равномерного покрытия территории вторыми городами. И это при том, что городская сеть складывалась в европейском центре издавна, особенности климата и рельефа не накладывают каких-то явных ограничений на городское развитие, а топология транспортной сети, расходящейся лучами от Москвы, скорее способствует наличию городов.

Важнейшая причина, объясняющая соотношение сил между региональными центрами и вторыми городами регионов, заключается также в истории формирования и принципах административно-территориального устройства страны: где-то (например, на Дальнем Востоке) нарезка административно-территориальных единиц опережала градостроительство, в других частях страны крупные города и их рост становились стимулом для нарезки территорий вокруг них и возвышения этих городов до статуса региональных центров и, наоборот, ликвидации областей вокруг слабых центров³ [25].

Анализ по федеральным округам, несмотря на всю условность этого членения, явно указывает на три детерминанты в комбинации региональных центров и вторых городов: историко-эволюционную, административно-территориальную и демографическую. Следует также понимать, что средние значения по федеральным округам нередко получаются под воздействием всего одного “выдающегося” города. Так, если бы не Череповец, средний размер второго города на Северо-Западе был бы не 110.7, а около 82 тыс. чел. Если бы не Сочи, величина второго города в ЮФО была бы не 179.4, а 131 тыс. чел. При этом в Центре больших минимаксных различий как раз нет, действуют относительно ровная административная нарезка и близость к Москве, сравнительно равномерно оттягивающей на себя мобильное население. Значительные уральские минимаксные параметры для первых городов – результат насе-

³ Так, в 1957 г. были ликвидированы Арзамасская, Великолукская, Балашовская и Каменская области; Великие Луки и Балашов с тех пор – вторые города своих новых регионов (Псковской и Саратовской соответственно). Подробнее об этом см. [25].

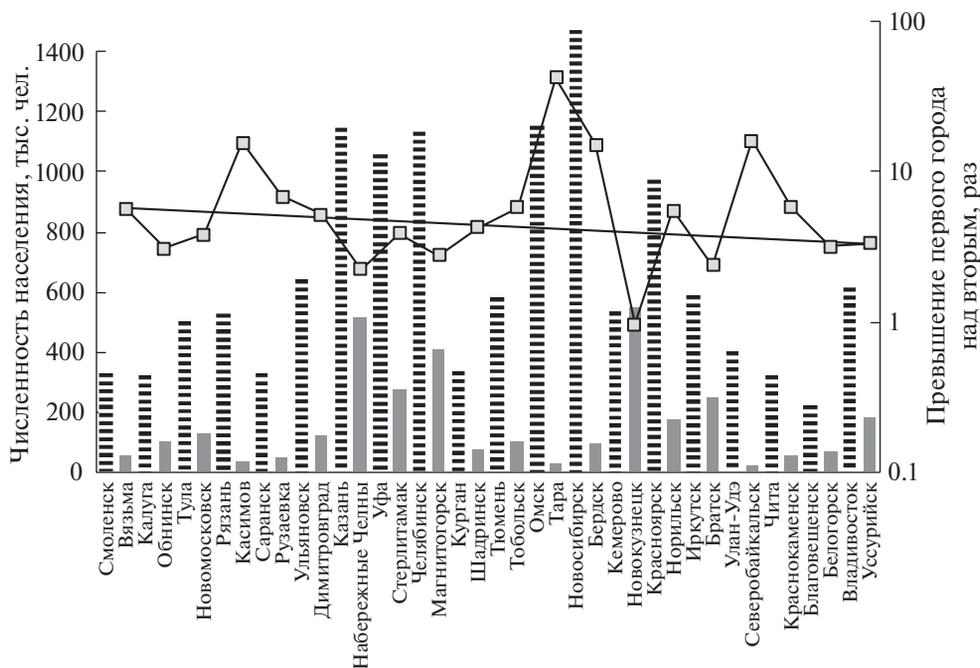


Рис. 1. Численность населения центров и вторых городов регионов, 2010 г., тыс. чел. Профиль построен по условной параллели 54°–55° с.ш. Штриховкой показаны центры, заливкой – вторые города регионов. Составлено автором по данным ВПН-2010 г. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=8>.

ленческой слабости столиц нефтегазодобывающих округов.

Более тонко, однако, различия в численности населения региональных центров и вторых городов видны не при анализе федеральных округов, а на профиле регионов, протянутом с запада на восток, условно по параллели 54°–55° с.ш. (рис. 1).

На профиле хорошо заметна “стена” крупных поволжско-уральских столиц и сопутствующих им более крупных, чем в остальных частях страны, вторых городов. Запад в целом схож с востоком, основное отличие – более мелкие на востоке вторые города регионов.

Динамика численности населения региональных центров и вторых городов. В близком к нынешнему виду административно-территориальное деление России на уровне субъектов сложилось в 1940–1950-е годы. Это дает нам основания проанализировать динамику численности населения и посмотреть, как менялось соотношение между региональными центрами и вторыми городами регионов за длительный период, начиная с переписи населения 1959 г.

Послевоенный период в стране – время очередного резкого рывка урбанизации, бум новых индустриальных центров черной металлургии, нефтяной и газовой промышленности, нефтехимии, оборонных производств, зарождения и формирования системы ЗАТО. С 1959 по 1970 г. лишь в европейской части страны статус города был

присвоен 76 населенным пунктам [4, с. 493–532], десятки будущих городов были только заложены. Среди нынешних вторых городов регионов в 1959 г. семи городов еще не было (в том числе ныне довольно больших: Новочебоксарска, Ноябрьска, Краснокаменска), еще почти столько же были мелкими населенными пунктами, бурно развивались с приходом индустрии и стали городами в 1965–1975 гг., а некоторые и позже. Естественно, интенсивное освоение территории предопределило огромные темпы роста этих городов. В более чем 40% регионов темпы роста численности населения между 1959 и 2010 г. были выше у вторых городов, чем у региональных центров: обгоняя первых, росли, например, Старый Оскол, Обнинск, Железногорск, Северодвинск, Череповец, Апатиты, Волжский, Стерлитамак, Дзержинск, Тольятти, Набережные Челны, Сочи, Сургут, Братск. Из этих 33 городов 13 – новые, только основанные населенные пункты или города, приобретшие статус города после 1959 г. В остальных (42) регионах даже активная фаза урбанизации (а она должна была сопутствовать быстрому развитию небольших, в том числе вторых, городов, в которые могла переезжать на учебу и работу сельская молодежь) не смогла противостоять преферентному росту региональных центров.

При этом складывающаяся система вторых городов была достаточно устойчивой. Начиная с переписи 1959 г. и поныне меняли свой ранг внутри регионов 26 вторых городов (табл. 2). Часть из

Таблица 2. Характеристики некоторых вторых городов, менявших ранговые позиции в течение 1959–2010 гг.

Федеральный округ	Всего регионов, в которых происходили смены вторых городов, ед. (в скобках – количество рассматриваемых регионов*)	Примеры регионов	Периоды, когда нынешний второй город не был вторым	Численность населения, тыс. чел.	
				1959 г.	2010 г.
ЦФО	3 (15)	Тверская: Ржев	1959–1979	49.0	62.0
		Смоленская: Вязьма	1959–2002	31.9	57.1
СЗФО	3 (7)	Коми: Ухта	1959–1989	36.2	121.7
ЮФО	1 (5)	Краснодарский: Сочи	1959–1970	81.9	343.3
СКФО	2 (4)	Дагестан: Хасавюрт	1959–1989	34.2	131.2
ПФО	4 (13)	Самарская: Тольятти	1959–1970	61.2	719.6
		Татарстан: Наб. Челны	1959–1970	19.1	513.2
УФО	3 (5)	Тюменская: Тобольск	1959–1979	39.0	99.7
		Иркутская: Братск	1959–1989	51.5	246.3
СФО	6 (7)	Новосибирская: Бердск	1959–1970	29.0	97.3
		Омская: Тара	1959–1989	22.6	27.3
ДФО	4 (8)	Амурская: Белогорск	1959–1989	48.8	68.2
		Сахалинская: Корсаков	1979–1989	32.9	33.5

* Исключены регионы, в которых нынешний второй город в 1959 г. не существовал.

Составлено автором по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>.

этих смен связана со строительством в нынешнем втором городе какого-либо важного предприятия, резко изменившего судьбу города и даже всего региона (Тольятти и Набережные Челны в 1959 г. были отнюдь не вторыми городами своих регионов). Однако в основном движение вверх по иерархической лестнице происходило в постоянном соперничестве с одним-двумя схожими по размеру малыми и средними городами. В этом случае второй город от третьего порой отличается на несколько сотен человек. Значительная часть смен рангов происходила в советский период, в постсоветский все происходившие смены – результат демографических трансформаций в условиях естественной убыли и миграционного притока/оттока. Именно поэтому в большей степени эти процессы затронули некоторые регионы СФО, ДФО и СЗФО. Но даже в тех регионах, где позиции второго города оставались неизменными, на устойчивость региональных центров вторые города за редким исключением почти не влияли.

Доминирование региональных центров к 1989 г. под влиянием роста вторых городов в условиях естественного прироста населения и при активной сельско-городской миграции стало менее сильным. Однако начиная с этого момента оно стало вновь нарастать и сейчас везде, кроме СЗФО и ПФО, более выражено, чем в эпоху советского централизма.

Максимальными различиями между численностью населения первых и вторых городов на протяжении всего рассматриваемого 50-летнего периода отличалась Сибирь (табл. 3). Это – результат постоянного дефицита крупных городов, который не был преодолен даже на закате СССР в пору максимальной численности населения [12].

В постсоветский период был создан такой механизм функционирования бюджетной и налоговой систем, при котором региональные центры, как и большой федеральный центр, начали получать дополнительную ренту – институциональную [9], и это влечет за собой лучшее, по сравнению с другими городами регионов, социально-экономическое положение их жителей. В таких экономических условиях замедление дальнейшего роста центров могло быть связано либо с достижением предела урбанизационного роста (стадии U-II в терминах теории дифференциальной урбанизации) и переходом к деконцентрации⁴ [27, 33], либо с исчерпанием людских ресурсов вообще, либо и с тем, и с другим вместе. Кардинально другой вариант – дальнейшая концентрация населения в центрах.

⁴ Но сущностно деконцентрация появляется не в результате достижения каких-то количественных порогов концентрации, а благодаря изменению системы организации территории и жизненных ценностей населения. И в этом смысле, наоборот, сложно ожидать смены векторов от периферийных со страновой точки зрения регионов, которые тем не менее достигли высоких значений концентрации.

Таблица 3. Разница между численностью населения центров и вторых городов регионов*, 1959–2017 гг., раз

Федеральный округ	Год проведения переписи населения						2017 г.
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	
РФ	6.0	6.0	5.7	5.4	5.6	5.9	6.3
ЦФО	4.7	5.4	5.6	5.7	5.8	6.0	6.5
СЗФО	5.0	3.8	3.9	4.1	4.2	4.3	4.7
ЮФО	6.2	4.8	6.3	6.1	6.7	6.9	7.2
СКФО	3.7	4.1	4.7	4.6	4.3	4.7	4.6
ПФО	7.6	6.0	4.4	4.3	4.4	4.5	4.8
УФО	2.9	2.9	3.1	2.6	2.7	2.9	3.2
СФО	10.8	13.4	11.6	10.0	10.2	10.4	10.9
ДФО	5.6	4.2	4.2	4.2	4.8	5.6	6.2

* В 1959 г. по 67 регионам РФ, у которых в этом году были анализируемые вторые города, в 1970 г. – по 71 региону, в 1979 г. – по 74 регионам, далее – по 75 регионам.

Рассчитано автором по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>; БД “Экономика городов России” портала Мультистат.

В пользу первой версии говорит то, что к 1989 г. в пяти регионах страны доля региональных центров в населении своих регионов превысила 50% (68–79% городского населения соответствующих регионов), еще в шести – находилась в диапазоне от 40 до 50% (45–69% горожан) и, казалось, что расти дальше уже вряд ли могла. Кроме того, к концу 1990-х годов отчетливо проявились тенденции к снижению естественного прироста населения (а значит и прироста населения, вступающего в трудоспособный возраст – миграционно самого активного), а затем и депопуляции. Однако стало ли замедление роста региональных столиц массовым явлением? Иными словами, какие факторы – рентно-институциональные или урбанистические и демографические победили в развитии региональных городских систем?

Доля региональных центров в населении своих регионов. Неоднородность протекания урбанизационных и демографических процессов в разных точках страны позволяет говорить не только о разной динамике численности населения городов и выделении соответствующих стадий урбанизационного процесса, но и о разной динамике городов как центров региональных систем населения. Именно для анализа этого и подходит показатель доли населения (региональных центров, вторых городов) в общей численности населения регионов. Он позволяет не только сравнивать несравнимые между собой по абсолютным размерам города, но и некоторым образом соотносит их с ростом (снижением) численности населения соответствующих регионов.

В 1959 г. средняя по стране доля региональных центров в численности населения своих регионов составила 19.1%, разумеется, сильно различаясь между старыми индустриальными регионами

и относительно слабо урбанизированным югом. К 2017 году этот показатель возрос до 36.2%, рост его происходил в течение всех межпереписных периодов и во всех округах и продолжается сейчас (табл. 4).

Низкой долей региональных центров в населении регионов всегда отличались республики Северного Кавказа (за исключением Северной Осетии), специфическая организация жизни и экономики в них не возмещала региональный центр. В советское время выгоднее и престижнее было зачастую жить в определенных сельских населенных пунктах, связанных с региональной властью родственной общностью [14, 20]. И главное это предопределялось в целом поздней урбанизацией.

Напротив, в равнинном Предкавказье и Нижнем Поволжье региональные центры всегда были и сейчас остаются важными координирующими центрами, местами, в которые стекается региональная молодежь, а в последние 20–25 лет и мигранты со всей страны. Здесь скорее исключением из общего правила безусловного главенства первых городов выступает Краснодар, доля которого хотя и растет, но в постоянном соперничестве с Сочи-курортом, затем с Сочи-Олимпийской столицей, а также при собственном не самом выгодном географическом положении.

Возможно, именно соперничество с мощными вторыми городами не позволяет иметь очень высокие значения доли региональных центров столицам Урала. В 1970–1990-е годы максимальным уровнем этого показателя отличались сибирские регионы. Новосибирск, Омск, Томск всегда находились в числе самых доминирующих столиц. Мобильных и готовых к миграционным перемещениям населенческих ресурсов хватало только

Таблица 4. Доля региональных центров в общей численности населения регионов*, 1959–2017 гг., %

Федеральный округ	Год проведения переписи населения:						2017 г.
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	
РФ	19.1	24.8	28.8	30.9	32.3	34.3	36.2
ЦФО	15.6	22.5	28.3	31.6	33.2	35.1	37.1
СЗФО	18.7	23.6	27.8	30.3	31.4	33.7	35.8
ЮФО	23.8	26.9	29.8	31.5	32.5	33.2	34.0
СКФО	18.5	22.0	25.9	27.2	26.5	26.5	26.5
ПФО	19.0	25.4	30.4	33.6	34.0	35.5	37.6
УФО	19.5	22.5	22.9	23.0	23.7	26.2	28.5
СФО	22.0	27.8	31.6	32.9	34.2	36.8	38.9
ДФО	22.8	26.9	29.2	30.1	35.4	38.8	41.7

* В 1959 г. по 67 регионам РФ, у которых в этом году были анализируемые вторые города, в 1970 г. – по 71 региону, в 1979 г. – по 74 регионам, далее – по 75 регионам.

Рассчитано автором по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>; БД “Экономика городов России” портала Мультистат.

на столичные города, к тому же более выгодно расположенные внутри своих больших регионов. Кроме того, вторые города этих регионов находились в тени всегда и не имели мощной промышленной базы для возможного роста.

С начала 2000-х годов лидирующие позиции по доле региональных центров в общей численности населения региона перешли на Дальний Восток. Мощный и постоянный западный миграционный дрейф сопутствовал опустыниванию территории дальневосточных регионов [19] и одновременно относительному возвышению региональных центров, которое трудно назвать даже “пиром во время чумы” (ибо и “пира” нет): например, численность населения и без того небольшого Магадана за 1989–2015 гг. сократилась на 59 тыс. чел. (остановившись к 2016 г. на отметке в 92 тыс. чел.), но всей области за этот же период – на 239 тыс. человек, что привело к росту доли Магадана в общей численности населения региона с 39.4 до 62.8%.

До 1979 г. средняя доля региональных центров в численности населения регионов возрастала в среднем на 5 п.п. за каждый межпереписной период, далее приращение снизилось до 2 п.п. Эти параметры, на наш взгляд, укладываются в логику движения урбанизации в России и постепенного сокращения демографического потенциала и снижения различий в естественном приросте между сельской местностью и городами.

В целом анализ динамики доли численности населения региональных центров в населении регионов позволяет говорить, что:

– большинство региональных столиц имели самые высокие темпы роста этого показателя в 1959–1970 гг. В постсоветский период активно росли только столицы Бурятии, Тывы, Калмы-

кии, население которых еще сравнительно молодо и сохранило значительный миграционный потенциал внутрорегиональной миграции;

– в течение всего полувекового периода у 46 региональных центров темпы роста были постоянно положительными, хотя и замедляющимися. Этот пул формируют почти все столицы областей ЦФО, СЗФО и СФО;

– остальные региональные центры в отдельные межпереписные периоды характеризовались отрицательной динамикой доли в численности населения. Это означает, что возглавляемые ими регионы росли быстрее, чем их столицы, или снижали свою численность населения менее интенсивно, чем региональные центры. Как правило, это происходило в переломный период 1989–2002 гг. Именно в это время отрицательную динамику имели Астрахань, Волгоград, Краснодар, Уфа, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Пенза, Челябинск, Томск;

– нельзя констатировать, что по достижении какого-либо определенного высокого уровня доли регионального центра в общей численности населения своего региона, например, 35, или 40%, или даже больших значений, этот рост прекращается. Иными словами, нам не удалось обнаружить на многих примерах максимальную планку возможной концентрации населения в региональном центре. Например, Новосибирск или Омск не переставали расти и превысив 50-процентный рубеж рассматриваемого показателя.

Рассмотрим плеяду региональных центров, которые продолжали расти, преодолев рубеж в 35% численности населения своего региона. К 2002 г. таковых насчитывалось 30. Семь из них достигли этой планки еще до 1959 г. (Астрахань, Новосибирск, Мурманск, Владикавказ, Самара и

Таблица 5. Характеристики региональных центров (РЦ), демонстрировавших рост показателя доли населения после достижения ими уровня 35% данного показателя, количество РЦ* (ед.), 1959–2010 гг.

Признак		Группа всегда растущих РЦ (17)	Группа РЦ, имевших период снижения доли (13)
		Представители: Иваново, Орел, Кострома, Петрозаводск, Элиста, Йошкар-Ола, Пермь, Ульяновск, Тюмень, Новосибирск, Биробиджан	Представители: Воронеж, Калининград, Мурманск, Астрахань, Волгоград, Владикавказ, Нижний Новгород, Томск, Хабаровск
Наличие в регионе второго города с населением от 100 тыс. чел.	есть	7	5
	нет	10	8
Различия в численности населения между первым и вторым городом региона составляют:	до 5 раз	4	8
	свыше 5 раз	13	5
Наличие в регионе периода(ов) депопуляции	был	16	9
	нет	1	4
Динамика доли второго города региона	рост	11	4
	(и стабилизация)		
	падение	1	1
	рост, затем падение	5	8
Среднее расстояние до второго города (по автодорогам)	км	160.6	233.7

* В 1959 г. по 67 регионам РФ, у которых в этом году были анализируемые вторые города, в 1970 г. – по 71 региону, в 1979 г. – по 74 регионам, далее – по 75 регионам.

Составлено автором по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>.

др.), другие в более позднее время. Различия в дате достижения такого высокого уровня концентрации населения в региональном центре не повлияли на динамику: 17 региональных центров имели постоянно восходящий тренд доли населения; 13 других в отдельные периоды отличались кратковременным снижением доли в численности, но затем снова продолжали наращивать свои кондиции (все, кроме Владикавказа). Почти у всех снижение доли происходило между 1989 и 2002 гг., когда за редким исключением наблюдались убыль численности всего и городского населения. Только в четырех городах – Томске, Калининграде, Астрахани и Владикавказе – уменьшение доли регионального центра происходило на недепопуляционном фоне. Остальные 17 региональных центров росли и при общем увеличении численности населения своих регионов, и в период депопуляции. В табл. 5 представлены сравнительные характеристики двух групп региональных центров, продолжавших увеличивать свою долю в численности населения регионов даже по достижении 35%-го уровня концентрации.

Явных различий между этими группами, на наш взгляд, несколько:

– чем больше разрыв в численности населения между региональным центром и вторым городом, тем выше вероятность постоянного роста концентрации населения в региональном центре;

– в регионах с депопуляцией чаще встречаются региональные центры с постоянным ростом доли численности их населения;

– территориальная близость вторых городов не влияет на постоянство роста региональных центров;

– неуклонный рост концентрации населения в региональных центрах чаще имеют такие регионы, в которых и тренды динамики вторых городов положительны. Это означает, что в этих регионах в целом высока аттрактивность городов и, видимо, высок прирост за счет внутрорегиональной миграции.

Было бы логичным ожидать, что постоянный рост численности населения и очень высокую долю населения, живущего в региональных центрах, демонстрируют регионы, в которых: а) у первого города нет никакого соперничества со стороны второго, или б) у которых динамика численности населения второго города всегда отрицательная, а сами регионы относятся к категории

Таблица 6. Доля вторых городов в общей численности населения регионов*, 1959–2017 гг., %

Федеральный округ	Год проведения переписи населения						2017 г.
	1959	1970	1979	1989	2002	2010	
РФ	4.9	6.4	7.5	8.4	8.6	8.7	8.7
ЦФО	4.1	5.4	6.6	7.4	7.7	7.8	8.0
СЗФО	5.0	8.0	9.8	10.9	11.1	11.6	11.8
ЮФО	4.2	5.7	5.7	6.2	6.1	6.1	6.2
СКФО	4.8	5.2	5.4	5.9	6.0	5.7	5.8
ПФО	3.9	5.5	7.6	8.7	9.0	9.1	9.1
УФО	6.7	8.7	10.5	12.3	12.4	12.9	12.9
СФО	5.4	6.5	7.0	7.6	7.5	7.8	6.5
ДФО	6.4	7.7	8.1	8.5	9.1	9.0	9.4

* В 1959 г. по 67 регионам РФ, у которых в этом году были анализируемые вторые города, в 1970 г. – по 71 региону, в 1979 г. – по 74 регионам, далее – по 75 регионам.

Рассчитано автором по данным ВПН 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=3>; БД “Экономика городов России” портала Мультистат.

стабильно растущих. Однако это не однозначно так.

Привлекательность региональных центров (едва ли не независимо от их размеров) была очень высокой в СССР, а в постсоветское время из-за демографических проблем и усиления внутрирегиональной социально-экономической поляризации стала еще более выраженной.

На динамику региональных центров работает их статус (при этом он способствует как миграции населения в столицы, так и возможностям осуществления административно-территориальных преобразований в сторону расширения границ и соответственно численности населения) и базовые параметры численности населения и концентрации населения в них. Что здесь первично, а что вторично – сказать без специального анализа невозможно.

Доля вторых городов в населении регионов. На протяжении всего послевоенного времени самым незначительным вкладом в общую численность населения своих регионов отличались вторые города СКФО и ЮФО (табл. 6). Низкая доля вторых городов свойственна и регионам Центра. Густота (по российским меркам) городской сети Центра и конкуренция за людей между десятками других, зачастую схожих по функциональной структуре и размеру городов, поблизости от Москвы и Московской области не позволяют ощутимо выделяться по численности населения вторым городам областей Центра. Иная ситуация в Сибири: здесь физическая и инфраструктурная разреженность пространства создает плохо преодолимые преграды для внутрирегиональной миграции – основной силы, вероятно, способной подпитывать вторые города Сибири. Потенциал этой миграции уменьшается и за счет общего западного

миграционного дрейфа. Влияет также в целом невысокая привлекательность сибирских городов для мигрантов не только с запада страны, но и международных. Ощутимые различия между Центром и Северо-Западом реально становятся существенно меньшими, если не учитывать в Северо-Западе один только Череповец, и полностью выравниваются без Череповца и Северодвинска.

Рост доли населения вторых городов, хотя и не впечатляет по своим темпам и существенно меньший, чем у региональных центров, все же свидетельствует о продолжении общего урбанизационного тренда и тенденциях очаговой концентрации населения в регионах.

Влияние людности и расстояния на динамику населения вторых городов. За 1959–1989 гг. из всех нынешних вторых городов не увеличил свою численность и долю населения только Облучье. Все остальные города в послевоенный период роста и бурной индустриализации и урбанизации разными темпами, но росли. Ситуация резко изменилась между 1989 и 2002 г.: 52 вторых города (из 75) показали отрицательную динамику людности, между 2002 и 2010 г. число таких городов возросло до 55, за 2011–2017 гг. (по данным текущего учета) их 50. С 2002 г. заметной тенденцией стала дивергенция трендов вторых городов по отношению к региональным центрам: число региональных центров с отрицательной динамикой резко снижается, а вторых городов остается устойчивым.

На фазе стабилизации численности населения страны и даже его роста в некоторых регионах, обозначившегося в 2011–2016 гг., налицо стремление к усилению концентрации населения в региональных центрах. По-видимому, вторым городам этого ресурса стабилизации численности

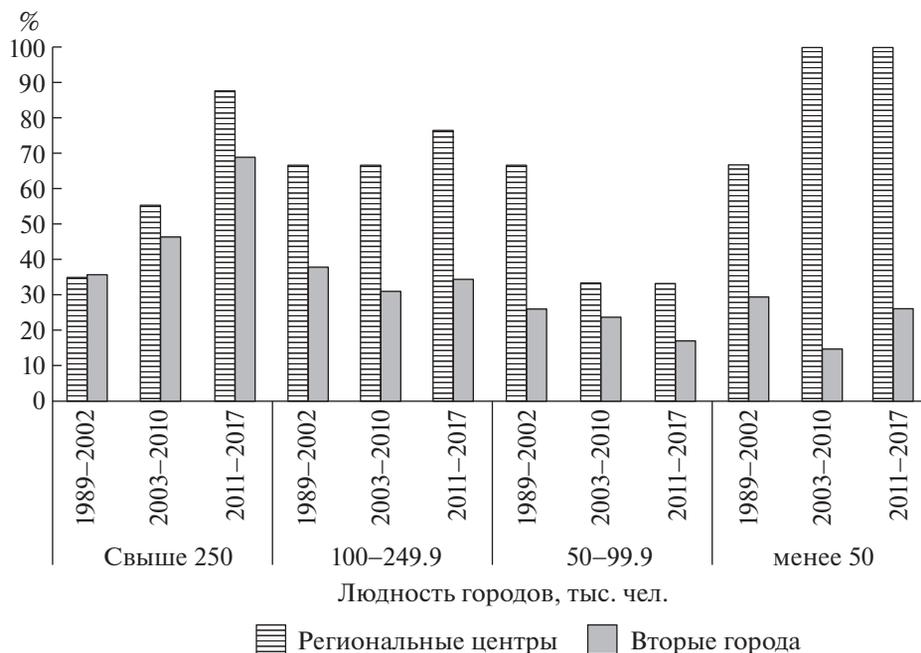


Рис. 2. Доля городов с положительной динамикой численности населения среди центров и вторых городов регионов в зависимости от их размеров, 1989–2017 гг., %. Составлено по данным ВПН-1989, 2002, 2010 гг., текущего учета населения на 1 января 2011–2017 гг.

населения при отсутствии других важных импульсов для роста не хватает.

Между 2010 и 2017 гг. увеличили численность населения 10 из 13 региональных столиц численностью от 100 до 250 тыс. чел., но только 7 из 20 вторых городов такой же людностью.

Применительно к динамике вторых городов можно говорить, что размер является определяющим. Рубежом выступает людность в 100 тыс. чел.: например, между 2010 и 2017 гг. в группе городов, насчитывающих более 100 тыс. жителей, число растущих составило 16, убывающей численности — 17; среди городов людностью меньше 100 тыс. — соотношение 9 к 33.

Кроме того, с течением времени влияние размера усиливается (рис. 2). Так, среди вторых городов с численностью населения свыше 250 тыс. чел. становится все больше растущих, среди малых городов пропорция между депопулирующими и растущими практически не меняется. Средний размер второго растущего города составил в 2017 г. 200,7 тыс. чел., снижающего свою численность — 107,5 тыс.

Следует, однако, понимать, что почти все крупные вторые города (Орск, Таганрог, Дзержинск и др.) служат образцами советской индустриализации, функциональная перестройка плохо затронула их, они не привлекательны для мигрантов и депопулируют, несмотря на свои внушительные размеры.

Из логики конкуренции за людей с региональными столицами следует, что чем дальше от них расположены вторые города, тем больше шансов у них не только собирать население со своей округи, но и не отдавать свое население региональному центру [35]. В действительности, однако, все сложнее (рис. 3): близость к столицам в некоторых случаях может быть локомотивом роста населения. Здесь важным, видимо, оказывается не столько расстояние до регионального центра, сколько конфигурация пространства, транспортная инфраструктура и общая мощность единого агломерационного пространства. На значительном расстоянии от региональных центров тоже есть вторые города, демонстрирующие устойчивый рост благодаря миграционному стягиванию сюда той части молодежи, которая не доезжает до региональных центров [13, 35].

Выводы и обсуждение результатов. Центричность российского пространства, его заточенность на отдельные фокусы в лице региональных центров в настоящее время усиливается [8, 16, 24]. Это означает, что тенденции сжатия пространства, несмотря на государственно декларируемые попытки реосвоения Дальнего Востока и Забайкалья и политику, направленную на смягчение неравномерности территориальных диспропорций, как минимум не ослабевают. Пример Москвы, активно использующей институциональную ренту, оказался заразительным для регионов. Бюджетная и налоговая концентрация усилили и без того проявившийся централизм. Ито-

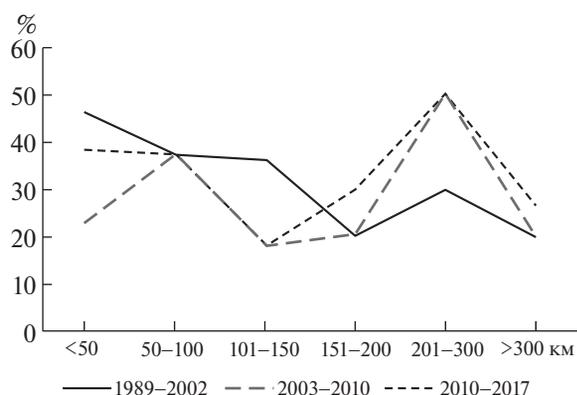


Рис. 3. Доля вторых городов, демонстрирующих рост численности населения, в общем числе вторых городов в зависимости от расстояния от них до регионального центра, 1989–2017 гг., %. Составлено по данным ВПН-1989, 2002, 2010 гг., текущего учета населения на 1 января 2011–2017 гг.

гом стало углубление социальной поляризации и нарастание различий в концентрации населения между столицами и вторыми городами регионов (вероятно, это еще сильнее проявилось в сравнении региональных центров и остальной территории – но это тема отдельного исследования).

Казалось бы, логичным вариантом развития сильных регионов должно было стать создание на своей территории не одной, а двух точек роста, однако в реальности нехватка ресурсов всех видов (в том числе человеческих) и выстраиваемые модели развития привели к тому, что первенствуют, за редким исключением, всегда в одиночку. Общая динамика численности населения региональных центров и вторых городов не указывает на развитие полицентризма. Более того, окончания процессов концентрации населения в региональных центрах пока не видно. Рентно-институциональные факторы и трансформация функций городов оказались более значимыми, чем эволюционные демографические и урбанизационные детерминанты. Почти во всех регионах продолжается рост доли регионального центра в общей численности населения: за период между переписями 2002 и 2010 гг. она не росла только в Калмыкии и Калужской области и падала в Адыгее, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Во всех остальных регионах наблюдался рост, какой бы высокой концентрацией численности населения в региональных столицах они ни обладали уже к 2002 г. Ситуация не изменилась и по данным текущего учета за 2011–2017 гг.: не наращивали свое численное превосходство только столицы северокавказских республик и Адыгеи.

Рост доминирования региональных центров происходит, на наш взгляд, во многом вопреки логике сменяемости стадий урбанизации, наблюдаемой в развитых странах. Иначе происходит со

вторыми городами регионов: они всегда были меньше по численности, и, значит, расти (с низкой базы) им “полагалось” активнее. Однако за последний межпереписной период доля уменьшалась у 19 вторых городов (за 2011–2017 гг. – уже у 38), еще в 9 (столько же в 2011–2017 гг.) она не росла. Среди них не только небольшие активно депопулирующие города типа Касимова или Боровичей, но и вполне крупные: Рыбинск, Дзержинск, Сарапул, Березники, Братск и др. Признаки деконцентрации, причем и в региональных центрах, и по отношению ко вторым городам регионов, ощущаются только в кавказских республиках, но качество статистики здесь таково, что не позволяет размышлять об этом уверенно. Нигде, кроме них, не наблюдается параллельного снижения или стагнации соответствующих показателей и центров, и вторых городов. При этом и в активно урбанизирующихся и растущих республиках Сибири, несмотря на явный дефицит городов, вторые города для местного населения не особенно привлекательны.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в 2018 г. и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2018–2020 гг. № 53 “Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов” в Институте географии РАН.

Acknowledgments. This work was performed in 2018 within Program for Basic Research of the National Research University “Higher School of Economics” and Program for Basic Research of the Presidium of the RAS no. 53 (2018–2020) in the Institute of Geography, RAS.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вендина О.И. Перспективы полицентричного развития пространства России в контексте глобализации // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / под ред. О.Б. Глезер и П.М. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 307–333.
2. Власова Н. Новые и старые функции крупнейших городов России (эволюция или революция?) // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 87–103.
3. Власова Н.Ю., Тургель И.Д. Факторы и тенденции развития “вторых” городов старопромышленных регионов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научных статей / под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум, 2016. С. 421–427.
4. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред. Т.Г. Нефедова, П.М. Поляна, А.И. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.

5. Дружинин А.Г. Региональные столицы Юга России как полюсы развития: динамика в контексте рыночной модернизации и глобализации // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003. С. 104–113.
6. Зотова М.В. Особенности развития торговых сетевых структур в крупнейших городах России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2006. № 6. С. 71–80.
7. Зотова М.В. Столица Урала: одна или три // Изв. РАН. Сер. геогр. 2007. № 4. С. 76–85.
8. Зубаревич Н.В. Роль “агломерационного эффекта” в социально-экономическом развитии крупных городов России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик / под ред. А.Д. Акименко, В.Л. Бабурина, П.Л. Кириллова, А.Г. Махровой, С.Г. Сафронова. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 191–207.
9. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. 2012. Ноябрь–декабрь. С. 6–18.
10. Зубаревич Н.В. Крупные города России: лидеры и аутсайдеры // Демоскоп Weekly. 2013. № 551–552. URL. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/demoscope551.pdf>.
11. Каганский В.Л. Бум вторых городов // Русский журн. 2005. URL. http://old.russ.ru/culture/20050221_kag.html.
12. Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 23–36.
13. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: ИД “Кодекс”, 2013. С. 82–107.
14. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб, 2011. 439 с.
15. Лаппо Г.М. Вице-столицы российских регионов // География. 2008. № 3. С. 5–13.
16. Лексин В.Н. Города власти – административные центры России // Мир России. 2009. № 1. С. 3–33.
17. Лексин В.Н., Скворцов В.В., Швецов А.Н. Российский Дальний Восток и его “региональные столицы”: поиск стратегий развития // Российский экономический журн. 2007. № 9–10. С. 16–48.
18. Любовный В.Я. Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-Информ, 2013. 614 с.
19. Мкртчян Н.В. Города востока России “под натиском” демографического сжатия и западного дрейфа // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 41–61.
20. Мудуев Ш. Особенности и современные проблемы урбанизации в Дагестане // Региональные аспекты социальной политики. Вып. 5. Махачкала, 2003. С. 68–76.
21. Пестич А.С. Анализ географических исследований роли “второго города” и “города-конкурента” в регионе // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб. научных статей / под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум, 2016. С. 427–434.
22. Покишишевский В.В. Проблема “второго” города // Проблемы урбанизации и расселения (II советско-польский семинар по урбанизации). М.: Мысль, 1976. С. 178–187.
23. Преображенский Ю.В. Эффект второго города в экономическом развитии субъектов РФ Поволжского экономического района // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Серия: Науки о Земле. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 21–26.
24. Селиванов М.Б. Крупные города в социально-экономическом пространстве регионов России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 5. С. 6–15.
25. Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII–XX вв. // Логос. 2005. № 1(46). С. 65–101.
26. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 373 с.
27. Трейвиш А.И., Нефедова Т.Г. Теория “дифференциальной урбанизации” и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / отв. ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 71–86.
28. Трифонова З.А. Потенциал культурных институтов региональных центров России // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 104–109.
29. Тургель И.Д. Специфика формирования градообразующего ядра экономики “вторых” городов Среднего Урала // Экономика и управление: теория, методология, практика: Материалы XII Международ. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 236–239.
30. Тургель И.Д., Власова Н.Ю. “Вторые” города Урала: от города-завода – к многофункциональным центрам // Региональные исследования. 2016. № 2. С. 43–54.
31. Хаггет П. География: синтез современных знаний. Пер. на рус. яз. М.: Прогресс, 1972. 620 с.
32. Angel S., Parent J., Civco D., Blei A. Atlas of Urban Expansion. Cambridge: Lincoln Institute of Land Policy, 2012. 398 p.
33. Geyer H.S., Kontuly T. A Theoretical Foundation for the Concept of Differential Urbanization // Int. Reg. Sci. Rev. 1993. № 15(2). P. 157–177.
34. UN-Habitat. The Management of Secondary Cities in Southeast Asia. Nairobi: United Nations Centre for Human Settlements, 1996. 160 p.
35. Karachurina L., Mkrtychyan N. Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000s // Bull. Geogr. Socio-economic Series. 2015. № 28. P. 91–111.
36. Roberts B.H. Managing Systems of Secondary Cities. Cities Alliance / UNOPS. Brussels, 2014. 232 p.
37. Rondinelli D.A. Secondary Cities in Developing Countries: Policies for Diffusing Urbanization. California: Sage, 1983. 288 p.

Population dynamics of centers and second cities of Russia's regions: are there tendencies to polycentrism?

L. B. Karachurina^{1,2}

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

²Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: lkarachurina@hse.ru

Received February 15, 2018

Accepted March 22, 2018

The article analyses the dynamics of the population of 75 regional centers and second by population size cities of the regions in Russia. The analysis is based on the population census data from 1959 to 2010 and on the current recording data for 2011–2017. In the vast majority of regions, there is a significant dominance of the regional center over the second city. It manifests itself both in the absolute parameters of the population size and in the shares of regional centers and second cities in the population sizes of their regions. In 31 regions of the country, the share of the regional center by 2002 already reached 35% and continued to increase. Fifteen years later, in 13 regions of the country, it exceeded 45%. The maximum bar of possible concentration of the population in the regional center is not yet visible. Over time, the prevailing of regional centers over the second cities of the regions is increasing. The analysis showed that the opportunities for population increase in the second cities depend on their population size: gradually, between the second cities with a population of more than 250 000 people, the number of growing cities is increasing; between second small cities, the share between depopulating and growing cities is practically unchanged. Thus, the tendencies of centrism in the regions take precedence over polycentricity. The population is increasingly concentrated in separate points, vested with power. These processes are based on historical and evolutionary (history of settlement, development and urbanization), functional-economic, administrative-territorial and demographic determinants. An increasingly important factor contributing to the concentration of the population is institutional factor (associated with the performance by the regional centers of the capital functions and reducing the costs of business and consumers).

Keywords: urbanization, population dynamics, population concentration, cities, population increase, population census.

REFERENCES

1. Vendina O.I. Prospects of polycentric development of Russia in the context of globalization. In *Rossiya i ee regiony v XX veke: territoriya – rasselenie – migratsii* [Russia and its Regions in the XX Century: Territory – Settlement Pattern – Migration]. Glezer O., Polian P., Eds. Moscow: OGI Publ., 2005, pp. 307–333. (In Russ.).
2. Vlasova N. New and old functions of the largest cities in Russia (evolution or revolution?). In *Kрупные города i вызовы глобализации* [Large Cities and Challenges of Globalization]. Kolosov V., Jekkert D., Eds. Smolensk: Oikumena Publ., 2003, pp. 87–103. (In Russ.).
3. Vlasova N., Turgel' I. Factors and trends of the second-tier cities development in the old industrial regions. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socioeconomic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskii A., Shuvalov V., Yaskova T., Eds. Smolensk: Univer-sum Publ., 2016, pp. 421–427. (In Russ.).
4. *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen* [Town and Countryside in European Russia: One Hundred Years of Change]. T. Nefedova, P. Polian, A. Treivish, Eds. Moscow: OGI Publ., 2001. 560 p.
5. Druzhinin A.G. Regional capitals of the South of Russia as poles of development: dynamics in the context of market modernization and globalization. In *Kрупные города i вызовы глобализации* [Large Cities and Challenges of Globalization]. Kolosov V., Jekkert D., Eds. Smolensk: Oikumena Publ., 2003, pp. 104–113. (In Russ.).
6. Zotova M.V. Features of the development of large network structure in major cities of Russia. *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2006, no. 6, pp. 71–80. (In Russ.).
7. Zotova M. V. Urals metropolis: one or three? *Izv. Ross. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2007, no. 4, pp. 76–85. (In Russ.).
8. Zubarevich N.V. The role of the “agglomeration effect” in the socioeconomic development of large cities of Russia. In *Geografiya, gradostroitel'stvo, arkhitektura: sintez nauk i praktik* [Geography, Urban Planning, Architecture: Synthesis of Sciences and Practice]. Aki-menko A., Baburin V., Kirillov P., Makhrova A., Safronov S. Smolensk: Oikumena Publ., 2013, pp. 191–207. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. Rent of the capital status. *Pro et Contra*, 2012, no. 6, pp. 6–18. (In Russ.).
10. Zubarevich N.V. Major Russian cities: leaders and outsiders. *Demoscope Weekly*, 2013, no. 551–552. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0551/demoscope551.pdf> (accessed 12.05.2018). (In Russ.).
11. Kaganskii V.L. Boom of secondary cities. *Russkii zhurnal*, 2005. Available at: http://old.russ.ru/culture/20050221_kag.html (accessed 12.05.2018). (In Russ.).

12. Karachurina L.B. The demographic transformation of post-Soviet Russian cities. *Regional'nye Issledovaniya*, 2013, no. 3, pp. 23–36. (In Russ.).
13. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Change of population numbers in administrative units and cities of Russia (1989–2010): center-periphery relationships. In *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol. 135: Geography of Population and Social Geography]. Alekseev A.I., Tkachenko A.A. Eds. Moscow: Kodeks Publ., 2013, pp. 82–107. (In Russ.).
14. Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. *Gortsy posle gor. Migratsionnye protsessy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Highlanders after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the XX – beginning of the XXI Century: their Social and Ethno-Cultural Consequences and Prospects]. St. Petersburg, 2011. 439 p.
15. Lappo G.M. Vice-capitals of Russian regions. *Geografiya*, 2008, no. 3, pp. 5–13. (In Russ.).
16. Leksin V.N. Cities of governance are administrative centers of Russia. *Mir Rossii*, 2009, no. 1, pp. 3–33. (In Russ.).
17. Leksin V.N., Skvortsov V.V., Shvetsov A.N. The Russian Far East and its regional capitals: the search for development strategies. *Rossiiskii Ekonomicheskii Zhurnal*, 2007, no. 9–10, pp. 16–48. (In Russ.).
18. Lyubovnyi V.Ya. *Goroda Rossii: al'ternativy razvitiya i upravleniya* [Cities of Russia: Alternatives of Development and Management]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2013. 614 p.
19. Mkrtychyan N.V. The cities of the east of Russia “under the push” of demographic shrinkage and western drift. In *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoi Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities]. Dyatlov V., Grigorichev K., Eds. Irkutsk: Ottisk Publ., 2013, pp. 41–61. (In Russ.).
20. Muduev Sh. Features and present-day problems of urbanization in Dagestan. *Regional'nye Aspekty Sotsial'noi Politiki*, 2003, no. 5, pp. 68–76. (In Russ.).
21. Pestich A.S. Analysis of geographical research of the “second city’s” and “city-rival’s” role in the region. In *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Socio-economic Geography: History, Theory, Methods, Practice]. Katrovskii A., Shuvalov V., Yas'kova T., Eds. Smolensk: Universum Publ., 2016, pp. 427–434. (In Russ.).
22. Pokshishevsky V.V. The problem of the secondary city. In *Problemy urbanizatsii i rasseleniya (II sovetsko-pol'skii seminar po urbanizatsii)* [Problems of Urbanization and Settlement Patterns (II Soviet-Polish seminar on urbanization)]. Moscow: Mysl' Publ., 1976, pp. 178–187. (In Russ.).
23. Preobrazhensky Yu.V. The effect of the second city in the economic development of the federal subjects in the Volga Economic Area. *Izv. Saratovskogo Univ. Novaya Ser: Nauki o Zemle*, 2015, no. 15 (2), pp. 21–26. (In Russ.).
24. Selivanov M.B. Large cities in the socio-economic space of Russian regions. *Kontury Global'nykh Transformatsii: Politika, Ekonomika, Pravo*, 2011, no. 5, pp. 6–15. (In Russ.).
25. Tarkhov S.A. Changes in the administrative-territorial division of Russia in the XIII–XX centuries. *Logos*, 2005, no. 1(46), pp. 65–101. (In Russ.).
26. Treivish A.I. *Gorod, rayon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and the World. The Development of Russia through the Eyes of a Regional Geographer]. Moscow: Novyi Khronograf Publ., 2009. 373 p.
27. Treivish A.I., Nefedova T.G. The theory of “differential urbanisation” and hierarchy of cities in Russia. In *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of Urbanization at the Turn of the Century], Makhrova A., Ed. Smolensk: Oikumena Publ., 2002, pp. 71–86. (In Russ.).
28. Trifonova Z.A. Potential of cultural institutions of regional centers of Russia. *Regional'nye Issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
29. Turgel' I.D. Specificity of forming the core of the economy of the “secondary” cities of the Middle Urals. In *Ekonomika i upravlenie: teoriya, metodologiya, praktika* [Economics and Management: Theory, Methodology, Practice]. Ufa, 2017, pp. 236–239. (In Russ.).
30. Turgel I.D., Vlasova N.Yu. “Secondary” cities of the Urals: from the town-plant – to multifunctional centers. *Regional'nye Issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 43–54. (In Russ.).
31. Hagget P. *Geography: a modern synthesis*. New York: Harper & Row, 1972. 620 p.
32. Angel S., Parent J., Civco D., Blei A. *Atlas of Urban Expansion*. Cambridge: Lincoln Institute of Land Policy, 2012. 398 p.
33. Geyer H.S., Kontuly T.A. Theoretical Foundation for the Concept of Differential Urbanization. *Int. Reg. Sci. Rev.*, 1993, no. 15 (2), pp. 157–177.
34. *UN-Habitat. The Management of Secondary Cities in Southeast Asia*. Nairobi: United Nations Centre for Human Settlements, 1996. 160 p.
35. Karachurina L., Mkrtychyan N. Population change in the regional centres and internal periphery of the regions in Russia, Ukraine and Belarus over the period of 1990–2000s. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, 2015, no. 28, pp. 91–111.
36. Roberts B.H. *Managing Systems of Secondary Cities*. Brussels: Cities Alliance/UNOPS, 2014. 232 p.
37. Rondinelli D.A. *Secondary Cities in Developing Countries: Policies for Diffusing Urbanization*. California: Sage, 1983. 288 p.